

Studia Culturae: Вып. 1 (47): Academia.: Л.Е. Артамошкина

С.30-45

Л.Е. АРТАМОШКИНА

*Доктор философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет*

УДК 130.2

**СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРОЙ ПАМЯТИ: БИОГРАФИЯ
СЕМЬИ В ДИАЛОГЕ ПОКОЛЕНИЙ¹**

Автор предлагает размышления, истоком которых служат интервью, антропологические экспедиции и статьи, написанные в рамках академических штудий. Тема статьи связана с главной темой исследований автора – «Биография как текст культуры». Эта тема истоком своим имела для автора, биографически связанного с эпохой атеизма, следующий вопрос: «Остаётся ли в памяти культуры жизнь человека в той степени целостности, в какой остаются, сохраняются и транслируются такие “тексты” культуры как тексты произведений искусства – литературы, живописи, etc...?» Предлагаемая статья – еще один шаг к ответу. Автор использует материалы семейных архивов, интервью, полевых исследований с 2009 по настоящее время. Судьба русской женщины в эмиграции представлена историей жизни Ольги Михайловны Веригиной (Можайской). Участие в первых съездах РСХД, знакомство и дружба с его яркими представителями – В.В.Зеньковский, А.Н.Бердяев, о.Киприан (Керн) – формировали её глубокий внутренний мир. В поэзии, дневниках, в каждой черте биографии О.М. Веригиной сказался путь русской православной женщины в трагическом XX веке.

Ключевые слова: биография, М.Бахтин, поступок, традиция, поколение, биографический метод, эмиграция, семейный архив

L.E. ARTAMOSHKINA

*Dr. Sci. in Philosophy, Associate Professor
St. Petersburg State University*

**PRESERVATION OF CULTURAL MEMORY: BIOGRAPHY
OF THE FAMILY IN THE DIALOGUE OF GENERATIONS**

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-011-00775 «Топология культурной памяти в диалоге поколений»

The author offers reflections based on interviews, anthropological expeditions and articles written in the framework of academic studies. The topic of the article is related to the main topic of the author's research - "Biography as a text of culture". For the author, who was biographically connected with the era of atheism, this theme had the following question: "Does the memory of culture retain human life to the extent of integrity in which it remains? and such "texts" of culture are broadcast as texts of works of art - literature, painting, etc ...? "The proposed article is another step towards the answer. The author uses materials from interviews, field research from 2009 to the present. The fate of a Russian woman in emigration is represented by the life story of Olga Mikhailovna Verigina (Mozhaiskaya). Participation in the first congresses of the Russian Christian student movement, acquaintance and friendship with its prominent representatives - V.V. Zenkovsky, A.N. Berdyaev, Fr. Cyprian (Kern) - shaped her deep inner world. Her poetry, diaries, every line of the biography was influenced by the path of a Russian Orthodox woman in the tragic twentieth century.

Keywords: biography, M. Bakhtin, act, tradition, generation, biographical method, emigration, family archive

Биографический метод и проблема сохранения культурной памяти

Проблема сохранения культурной памяти, памяти о прошлом стала одной из наиболее востребованных тематических линий современной гуманитарной науки. Усилия ученых гуманитариев Запада (особенно Германии и Франции) привели к созданию нового направления в гуманитарной науке – «мемориальных исследований» (чаще употребляется английское наименование – Memory Studies; в 2016 году образовалась Ассоциация исследований памяти - Memory Studies Association, MSA). Огромный конгломерат всевозможных институций, проектов данной организации в целом имеет общую тенденцию – исследовать способы формирования и связи коллективной и культурной памяти. Очевидно преобладание социологического подхода в подобных исследованиях. Обращение к конкретным биографиям используется в качестве инструмента, иллюстрирующего и/или аргументирующего предлагаемые концепты. Биографический метод, разрабатываемый автором, является возможной альтернативой подобным подходам. Исходными понятиями на этом пути стали понятия «участного мышления», «поступающего мышления» М.М. Бахтина. И здесь мы должны хотя бы коснуться сложного вопроса, отметить, что удерживаем его в поле внимания: Бахтин и Православие. Понятия, введенные Бахтиным, обуславливают необходимость такого контекста. Серьезность и острота данного вопроса связаны с тем влиянием, которое продолжают испытывать ученые-гуманитарии как со стороны философии М.М. Бахтина, так и со

стороны всей его личности, его поведения, его биографии – испытывают влияние и используют обращение к Бахтину в качестве аргументов собственной позиции. Так, интересна и примечательна статья Бонецкой Н.К. в журнале «Звезда» (№7, 2020 года) «М.Бахтин и философия “Серебряного века”». Бахтин помещен автором “около церковных стен”, призма “Серебряного века” преломляет всю биографию. Думается, что обращение к подробностям биографии, могло бы высветить нечто другое: “Стоит нам подумать о других материях— скажем, о годах ссылки Бахтина, когда он служил в потребкооперативе и наслушался живой и, уж конечно, нецензурной речи кустанайских колхозников, — и мы вступаем на более верный путь. С концепциями можно спорить; с опытом души спорить нельзя. То, что мыслитель, в трудный для себя час увидевший и полюбивший простых людей такими, какими они были — «черненькими», а не «беленькими», с такой верностью сохранил и с такой силой выразил теплоту своего отношения к непроницаемому для господствующих правд ядру народной души, само по себе факт истории русской культуры. Только факт этот должен быть увиден в своем настоящем, невыдуманном контексте. Мужество, с которым Бахтин отнесся к собственной судьбе, не только лежит в основе его построений; оно куда несомненнее, чем они”[1; С. 16]. Это замечание особенно важно, поскольку Сергей Сергеевич Аверинцев лично знал Бахтина, а масштаб его собственной личности соотносим с масштабом личности Бахтина. В свете *всей* биографии необходимо воспринимать те понятия, которые стали после Бахтина для исследователей безусловными инструментами аналитики: «Каждая мысль моя с ее содержанием есть мой индивидуально-ответственный поступок, один из поступков, из которых складывается вся моя единственная жизнь как сплошное поступление, ибо вся жизнь в целом может быть рассмотрена как некоторый сложный поступок: я поступаю всей своей жизнью, каждый отдельный акт и переживание есть момент моей жизни-поступления» [2; С. 83]. Биография Бахтина принадлежит памяти культуры как «текст» в единстве “жизни-поступления”. Принимая во внимание особенности вхождения идей, книг Бахтина в пространство отечественной, а затем мировой гуманитарной науки, можно говорить об опережающем воздействии “жизни-поступления” на коллективную память – память тех, кто был свидетелем, очевидцем, со-ратником – “первичность” этой жизни перед печатным текстом публичного пространства. Сам характер текста «К философии поступка» есть воплощение участного мышления, с его заботой и тревогой: «Страшно все техническое, оторванное от единственного единства и отданное на волю имманентному закону своего развития, оно может время от времени врываться в это единственное единство жизни как безответственно страшная и разрушающая сила... Никакая практическая ориентация моей жизни в теоретическом

мире невозможна, в нем нельзя жить, ответственно поступать, в нем я не нужен, в нем меня принципиально нет» [2; С. 88] . «Философия поступка» Бахтина может быть рассмотрена как ответ эпохе, современником которой он был. Это был также ответ интенциям культуры модерна и той концепции жизнотворчества, которая возобладала в ней и следствием которой стала «перековка мира» и самого человека в горниле русской революции. В характере, способе мышления Бахтина выразилось определенное соотношение «слова» и «дела». Можно говорить о новом типе личности, ставшей ответом эпохе строительства коммунизма: « В симметрию эсхатологическому лозунгу “Победа коммунизма неизбежна!” и без намерения спорить с ним персонально, Бахтин выдвинул образ жизни как бесконечного текста вопрошания об Истине и бесконечного диалогического Апокалипсиса. Один из христианских постулатов трактата “К философии поступка” гласит, что каждый свой поступок в необратимом времени истории я совершаю так, как если бы он был последним, т.е. перед воротами Страшного Суда. Это требование, предъявленное к поступающему сознанию, мыслитель считает не идеалом, а нормой сплошь ответственного бытия» [4; С. 580]. Биография как текст культуры обращает нас к категории поступка в философии Бахтина. Поступок есть выход “меня” в мир, он адресован другим и в этой адресации возможен как поступок, в нем “я” нахожу других и нахожусь другими.

Биография семьи: усилие “самостоянья”

В пространстве биографии поступок выявляет усилие “самостоянья” человека в потоке истории (вспомним у А.С.Пушкина: “самостоянье человека – залог величия его).” В истории России XX века способность “самостоянья” обнаруживалась внутри самой повседневности, в глубинах народной жизни. Официальной “религией” советской власти на протяжении 70 лет был атеизм. Каким образом в атеистическом государстве стало возможным не только существование Православной Церкви, но и действительное сохранение Веры вне официальных институций и за пределами охраняемой государством идеологии? Какими способами передавалась религиозная традиция от поколения к поколению? Каковы черты феномена «народной веры»? Эти вопросы возникают всякий раз, когда пытаешься осмыслить трагизм истории России XX века.

В начале XIX века обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев в книге «Московский сборник» дал определение религиозности русского человека: «Какое таинство – религиозная жизнь народа, такого, как наш, оставленного самому себе, неученого! ...когда пытаешься дойти до источника –

ничего не находишь...Для людей неграмотных Библия не существует; остается служба церковная и несколько молитв, которые, передаваясь от родителей к детям, служат единственным соединительным звеном между отдельным лицом и церковью...И однако – во всех этих невоспитанных умах воздвигнут – как было в Афинах, - неизвестно кем алтарь Неведомому Богу; для всех – действительное присутствие воли Провидения во всех событиях жизни – есть факт столь бесспорный, так твердо утвердившийся в сознании, что, когда приходит смерть, эти люди...отверзают Ему дверь свою, как известному и давно ожидаемому Гостю. Они в буквальном смысле отдают Богу душу» [5; С. 350].

Сохранение веры “отцов” в катаклизмах XX века формировало то “поступающее мышление,” которое обуславливало само становление биографии, становящейся текстом культуры. Продолжая размышления Победоносцева, подчеркнем: не уровнем образованности ума определялась сила “стояния” в Вере. Поступок в свершении “участного мышления” определял характер повседневности, само течение жизни, становящейся биографическим текстом культуры. Семейные биографии обнаруживают эту характерную черту. Биография семьи стала для автора первоначальным побудительным мотивом к размышлениям и дальнейшим исследованиям. Распространенной чертой семейной биографии была естественность выполнения соответствующих обрядов, особенно, если в семье вместе жили несколько поколений (деды-отцы-внуки). Это касалось и жителей сельской местности (где традиция жизни большой семьёй сохранялась дольше), и жителей города (где это диктовалось часто невозможностью “улучшить жилищные условия”). Так, наиболее сохраняемыми обрядами были обряды крещения и отпевания. Удивление может вызвать сам факт такого сохранения после тотальных репрессий священнослужителей 20–30-х годов, уничтожения церквей, преследований за веру. Однако к “застойному” времени конца 60-х — началу 80-х годов уже образовались устойчивые формы бытования таких традиций в повседневной жизненной практике. Долг “хранителя веры”, добровольно принятый на себя человеком, усиливал напряжение границы, в буквальном смысле обязывал “стоять на страже”: жизнь складывается в единство биографии. Пространство “большого” социума своим давлением усиливало это напряжение. Формирование и сохранение идентичности всегда становится особенно напряженным в эпохи общественной нестабильности (войны, революции), что требует выработки идентификационных механизмов (способов реактуализации прежних ритуалов, символов, новых способов наррации). Сохранение религиозных традиций, исполнение определенных обрядов, “стояние в Вере” лишали возможности социально стабильного положения в рамках “большого”

социума (работа, социальные институты) иного идеологического пространства. Сохранение такой идентичности обеспечивалось готовностью «пострадать за веру». Это стало важным условием становления биографии в единстве «участного мышления» и «события бытия» (М.Бахтин). Проводя в течение многих лет биографические исследования, в качестве лейтмотивного сюжета исследования мы всегда фиксировали сведения, факты, связанные с традициями православной культуры, её сохранения и трансляции в диалоге поколений. Испытание Веры в XX веке пронизывало именно ежедневную жизнь, обуславливало поведение, на первый взгляд, бытовое. “Героизм и подвижничество”, взыскуемые предреволюционной эпохой, пафосом её “мистических прозрений”, буквально воплотились в опыте всей трагической послереволюционной истории России.

Далее мы постараемся воспроизвести некоторые черты образа русской женщины, биография которой является воплощением судьбы русской культуры в трагическом опыте XX века. В этой части нашей работы мы будем пользоваться материалом, полевых исследований (интервью, беседы, работа с семейными архивами). Данный материал был собран за период с 1994 г. по настоящее время (работа продолжается). Он охватывает следующие регионы: Центрально-черноземная область (Тамбовская и Пензенская область) Франция (работа с семейным архивом нескольких поколений).

В качестве первого сюжета предлагаем сюжет, записанный в общении с жительницами села Большой Ломовис Пичаевского района Тамбовской области и села Ульяновка (того же района). Большой Ломовис до революции крупное село (более 100 домов), с каменным храмом, принадлежало в числе прочих близлежащих земель князьям Гагаринам.

Наши собеседницы Мария Николаевна Горлова (1922 г. р.) и Мария Николаевна Перова (1924 г. р.). Мария Николаевна Перова рассказывает (сохраняем особенности речи по диктофонной записи): «... в детстве всегда носила крестик, к рубашонке маманя нашивала. И потом своим ребятам тоже крестики пришивали, потому что нельзя без защиты». Мария Николаевна вспоминает “поминки” в их доме по брату. Отец разрешил женщинам собраться у них в доме и читать молитвы: « Партийные стали стучать в окна, ругаться на них. Отца потом вызвали в город, в милицию, но через несколько дней отпустили».

Мария Николаевна Горлова имеет особый статус в селе: она “читает” по покойникам. В этом регионе таких “чтиц” называют “монашка-

ми”. После разорения монастырей монашки вынуждены были искать себе пристанище и возможность прокормиться, поэтому они ходили по селам и исполняли необходимые “требы” вместо попов: отпевали, крестили, “отчитывали” (об этой практике можно говорить отдельно). Потом они умирали, но их функции на себя стали брать некоторые женщины. Мария Николаевна тоже “чтица”. Это и определяет ее положение в селе. («Она у нас молодец, — говорит ее подруга, — на похоронах, на поминках она у нас главная, за попа»). На вопрос, как она начала “читать”, она отвечала следующим образом: «Все помирали. Мы на помины ходили. Монахи помирали, но мы у них учились, списывали с них, с их книг. У меня мама читала. Я молитвы выучила. Сейчас вот не спится, прочту — и спокойно засну». Вспомнили про Дашу, их погоду. У нее хранились “камешки”.

Рассказывает Перова Мария Николаевна.

«Эти “камешки” святые, привезенные из Иерусалима. А когда Дарья умерла, эти “камешки” Наташа забрала. Эти камешки нельзя разделять». “Камешки” являются тем сакральным предметом, который символизирует определенные функции их хранителя. Наташа стала тоже “монашкой”, “чтицей.

Мария Николаевна Горлова:

«Зина умирала, плохо ей, никак не умрет и вот мечется, прямо головой об палати. Райка Хромая пришла, говорит, пойдем, “Достойную” почитаем. “Достойную” почитали — она умерла»¹.

Мария Николаевна Горлова подчеркивает, что мама у нее тоже “читала”, а вот теперь она продолжает после нее. Рассказ о традициях поминовения женщины заканчивают духовной песней, которая поется в конце поминального обеда. Слова этой песни передаются изустно. Эту же песнь мы слышали и записали от чтицы в городе Моршанске Тамбовской области. Слова песни такие (при некоторой минутной забывчивости иногда терялось одно-два слова, этим объясняется некоторый перебой в ритме песни, в написании слов сохраняем особенности произношения):

«Поминайте меня, братья, вы с любовью меня

¹ Запись интервью, июль 2009

И простите, что виновен, может быть, пред вами я
Поминайте хлебом-солью, даже чистою водой,
Поминайте добрым словом — все это будет предо мной.
Еще больше поминайте, моя милая семья,
Я служил вам безотказно, не забудьте вы меня.
Приходите чаще в церковь, где я с жаждой жду вас там
И с отцом духовным вместе помолитесь небесам.
Мне не страшно, что со светом я навечно отошел,
Но мне страшно, что с грехами я ко Господу пришел.
И теперча мои люди предстаю я перед Ним,
Поминайте и молитесь, чтоб навечно был я с Ним.
Все я слышу, все я вижу, когда помин мне идет,
Но уста мои сомкнулись, Господь воли не дает.»¹
Наши собеседницы забыли несколько строчек конца песни.

На вопрос, венчались ли они, женщины ответили — нет, потому что церковь была закрыта, а потом и вовсе сожжена. А вот ребят “кстили”. В домах “кстили”.

Опыт XX века отринул всю социально-сословную иерархию, институциональную ограниченность и интеллектуальное высокомерие. Пресловутая проблема — «народ и интеллигенция», — велеречиво дискутируемая до революции, была снята таким масштабом трагедии, который претворил судьбу каждого в судьбу мира, поставленного на грань. Это вполне сказало в судьбе русской эмиграции, в биографиях тех, кто исполнил “обет” сохранить Веру, язык, традиции.

¹ Запись интервью, июль 2009 г.

“Поступающее мышление”: биография О.М.Веригиной

Далее мы постараемся воспроизвести некоторые черты образа русской женщины, биография которой является воплощением судьбы Православия, русской культуры в трагическом опыте XX века.

Ольга Михайловна Веригина родилась в России, в Войне, (Орловская губерния), в имении своей тетушки Ольги Алексеевны Нечаевой 11 сентября (ст.ст)/24 сентября (н.ст.) 1903 года.

Родители:

Михаил Константинович Веригин (25.09.1870 - 28.07.1911)

Домна Алексеевна Масальская (25.12.1872 -15.11.1960).

В семье было трое детей: два брата – Константин (25.01.1899 - 22.12.1982), Михаил (11.10.1901 -3.10.1943) – и младшая Оленька.

Веригины – древний дворянский род, происходит от некоего Дементия Ермолаевича, сына знатного польского шляхтича Бонча, приехавшего в конце XIII в. на службу к Великому Князю Дмитрию Александровичу (сыну Александра Невского).

Детство и отрочество Ольга Веригина провела в Крыму. Впечатления природы Крыма станут первыми впечатлениями, пробуждающими непосредственность восприятия красоты мира. Мир этот, наполненный красками, звуками и запахами, определит потребность в поэтическом выражении. Наступление «некалендарного XX века» (А.Ахматова) для неё совпало с началом отрочества, с пробуждением одаренной, тонкой и поэтически настроенной личности. Записи Тетради (дневника) от 1916 года передают потребность, рано проявившуюся, – запечатлеть мгновения уходящего: «31-ое Октября, но день ясный, солнечный, даже душный; только здесь, в сумрачном кабинете, где и летом не бывает жарко, сейчас совсем свежо. На массивном письменном столе разбросаны учебники, а я лежу на диване и мечтаю о будущем. Но дверь открывается и входит Кот¹». Поэзия

¹Кот – брат Ольги Михайловны – Константин Михайлович Веригин (1898-1982); парфюмер, ученик Эрнеста Бо – создателя знаменитых духов «Шанель №5»

становится необходимостью, потребностью сохранять впечатления жизни. Дневник 1916 года (Ольге 13 лет) передает естественность и вместе с тем глубину чувства, объединяющего интимно-личные переживания, мысли и грозные события истории России: идет «Вторая Отечественная война» (так Ольга пишет о войне 1914 года). В этом определении выражается многое: чувство родной истории, величия мира, честолюбивые, но высокие порывы возрастающей души. Неслучайно, Ольга Михайловна среди любимых стихов русской поэзии, переписываемых в записных книжках в разное время, но в течение всей жизни, называет стихотворение А.С.Пушкина «Моя родословная»: переживание истории России как своей личной, семейной истории – главная черта подлинного, духовного аристократизма, это переживание – общее для них.

Ольга Михайловна покинула навсегда Россию – Ялту – в ноябре 1920 г.

Отрывки из дневника – Тетрадь 1:

«1920 г., Ялта.

О разреши мне, Боже – Искупитель

Спаси себя от пошлости земли,

О, Господи, рабе своей внемли –

Открой мне путь в смиренную обитель...

Я так молюсь!...

* * *

Разбегаются шаткие тени...

Воздух ласково-тих, недвижим,

И я вновь опускаю колени

Перед образом чистым Твоим.

Так божественно-кроток Твой взгляд,

Что земного не нужно, не надо

И не хочется к людям назад.

Я пришла рассказать о сомненьях,

О сомненьях угарного дня;

Я молю – дай, Святая, забвеньё,

Успокой, убаюкай меня.

Побороть не могу я страданья,

Не могу огорчений простить...

Отнесись же хоть Ты с состраданьем,

Помоги ненавистных любить.

Помоги мне прощать оскорбленья,

Оскорбленья ничтожных людей...

О, услышь же, Святая, моленья

Недостойной рабыни Твоей.

Дай мне силу предстать пред святая

С новой верой в грядущие дни,

И пусть будут мне в жизни заветом

Лишь святыя заветы Твои

Апрель 1920 года

1920 год

«17 Сентября.

Так хочется домой в Россию. Все как-то здесь её распинают своими разговорами. Я молчу. Молчу о Боге и о России молчу, – это все слишком в глубине сидит. Люблю Достоевского за его русскость и православие. Читая его, верю, что всё у нас там кончится хорошо...»

«7 Октября, четверг.

Так тянет в Россию. Но жив ли Государь...Наследник...»

1922 год

«30 декабря

Снова в кружке говорили много умно и искренно...И потом, когда я возвращалась домой по неприветливым улицам засыпающего города, когда холодный ветер больно колот мне лицо, а черные крылья фонарей жутко колебались, я думала о святой тяжести жизни там, в покинутой из страха и слабости России. Вспоминались искренние слова моего последнего письма к Р.: - «Умереть в России я бы, м-б., и сумела, идти на мученичество я не в силах...» а как же тогда жить...не знаю.»

Стихи для Ольги – средство запечатлеть имена, события, чувства, запахи и звуки мира природы; в них есть усилие сопротивления времени и забвению. В дневниках и записных книжках, сохраняя имена людей, она объясняет эту необходимость просто: чтобы не был совсем забыт этот человек. В этом желании помнить – чувство христианское: поминовения.

Поэзия для Ольги Михайловны была Домом, местом, где всё узнаваемо и близко, где сами звуки родной речи хранят образы оставленной России.

Ольга Михайловна участвовала в первых собраниях РСХД, глубокое восприятие идей движения, своего места в нем послужили началу её многолетней переписки с В.В.Зеньковским, с о.Киприаном (Жерн).

«4 Апреля 1923 г.

Была сегодня в кружке. Приехал Вас. Зеньковский, и собрание было исключительным. Говорили о первом съезде русской христианской моло-

дежи в Будапеште, и о той крутой дороге, к которой мы призваны. Во время перерыва Вас. Вас. Подошел ко мне и, взяв меня за руки, чуть повыше локтей, сказал: - «Ну, как живете ... Думали, наверное, что я вас забыл». - «Бывали такие мысли, признаться». - «Вот. А я бы вам рассказал, да нет, не стоит». - «Расскажите». - «М.б.потом», и он прошел ... Я знаю, что В.В. относится ко мне хорошо...»

В дневниках этой поры (Тетрадь 2, «Юность», Ноябрь 1920-аго г. – Июль 1923

1920-1928 гг) она выражает трудности самоопределения, обретения своего Пути. Два пути она видит перед собой: монашество или семья. Монашество воспринимается как единственная возможность полной отдачи себя, жизни своей – Богу.

«30 Марта 1923 г.

Человек, который даст мне свою руку, должен быть образованнее меня, он должен удовлетворить все мои запросы ... Но, в общем, меня больше тянет монастырь. Но где ... м.б., в Болгарии. Надо будет узнать. Трудно, конечно, бороться с фантазией и мечтами, но надо работать ...»

«31 Марта.

Попросила З.Пажа навести все справки. С ним, вообще, надо было поговорить, т.к. он очень часто у нас бывает. Он – милый. Только вот не понимает, что, в сущности, брак и монастырь одно.»

«7 Апреля.

Эти дни здесь была Лока. Мы много говорили. Уезжая, уже на вокзале, она сказала: - «Интересно, будешь ли ты считать через год после своей свадьбы, что брак и монастырь тоже самое». - «Не знаю, что я буду считать тогда», ответила я: «знаю только, что если мне не удастся ввести, хоть отчасти, монастырь в семейную жизнь, то я буду очень несчастна». Лока поняла меня и больше ничего не сказала.»

«25 Апреля.

Все в кружке мне далеки ... а вот Вас. Вас. пишет: ... - «Идите сами для сближения с членами кружка, идите, пробуйте – ведь вы сильная. Да, вы сильная, у вас яркая, своеобразная индивидуальность, к вам тянет, но вы замкнутая и боитесь именно потому, что чтить вас. А идти нужно – не для себя, не для других, а для служения Христу. Добрая О.М./ я отчего-то чувствую вас, как оч. добрую/, - надо идти. Добро сделаете другим, и в ваше ... душе будет весна, такая светлая весна. Мне все кажется, что вы очень много вмещаете и понимаете: Господь дал вам большую и умную, и

тонкую, и сильную – яркую, но, конечно, всего важнее в вас эта твердая преданность Христу. Вам есть, что давать людям. Идите же, разспрашивайте о жизни, поделитесь чем-либо своим – и как будет хорошо, если с одним, с другим вдруг установятся дружеские отношения. О, какое это счастье. А нам, кто любит Христа, кто знает Его в православии, — это легко, особенно нам, русским ...»

Мысль, переданная в письме В.В. Зеньковского, выражает необходимость быть христианами в миру, идти в мир. Это путь женщин, жен и матерей, сохраняющих и передающих Веру в неприметливости их ежедневного подвижничества.

Вот выдержки внутри дневниковой записи в Тетради от 1923 года из книги Н.Н. Бердяева «Миросозерцание Достоевского»: «28 декабря ... Любовь не самоценна, она не имеет своего образа, она есть лишь раскрытие трагического пути человека, есть испытание человеческой свободы».

«31 Августа.

О. Сергей Булгаков об «Оцерковлении». – Смысл и задача христ. ст. движения, как обозначает и самое слово, хотя и секуляризованное, есть динамизм христианской жизни, которая должна постоянно увеличиваться и углубляться. Качественная природа движения выражается словом воцерковление. Символика церковного воцерковления соответствует теперешнему моменту, да, и вообще, нашей жизни: в алтарь и обратно, к тому месту, откуда изошел. Каждая человеческая душа должна становиться малой церковью».

“Поступающее мышление” реализовывалось в последующей семейной жизни. Биография семьи Веригиных-Можайских вполне отчетливо выражает это.

«14/27-го Ноября 1925 года я была обвенчана о. Сергием Булгаковым /по выбору Митр. Евлогия /в Сергиевском Подвории с А. Н. Можайским. Это была первая свадьба в Подвории. Тогда вся живопись его была еще черным по белому, без всяких красок. Кругом говорили: - «Словно Град-Китеж». Церковь была полна, главное, молодежи. Было 24 шафера. Дядюшка Бердяев благословлял Алексея; я вошла с Тэдди: Дядя Саша Фитингоф испугался Подворской горы. Старшим моим шафером был Олег. Когда мы вышли из церкви, все было покрыто чистым, белым снегом. Началась новая жизнь».

Новая жизнь стала выражением завета, полученного в общении со старшими наставниками: «Каждая человеческая душа должна становиться малой церковью» (из дневниковой записи 1924 года). Семейная жизнь и стала подвижничеством хранения Веры. Ольга Михайловна впитала один

из заветов её наставников, полученный в лекциях, беседах во время её участия в РСХД: «жизнь наша есть непрестанное творчество – самый образ Божий в человеке есть образ творческий. Творчество есть свободное проявление жизненного духа. Человек создан для самотворчества и для творчества вне себя. Творчество имеет свои законы, и черты его противоположны аскетике. Если аскетизм есть движение против себя, то творчество есть движение из себя. Наша жизнь – аскетизм и творчество. Даже молитва есть творчество, как и всякое наше движение к Богу... Всякая человеческая жизнь индивидуальна. У каждого свои дары и свое служение. Все дано человеку, но, вместе с тем, и задано. Должно быть творческое соответствие между заданным и выполняемым... (дневниковая запись из 3 Тетради от 6/19 Июля 1925 передает конспективное содержание лекции «Аскетизм в миру»). Творчество и аскетизм воплотились в построении малой Церкви – семьи. Ольга Михайловна продолжала писать стихи, её “молитвой” стало восхваление Бога и Святых и в изумительной вышивке, технику которой – старинное византийское шитьё – она получила от одной монахини. Каждый год в монастыре Покрова Пресвятой Богородицы в Бюсси (Bussy-en-Othe) выносят Плащаницу, вышитую Ольгой Михайловной. Её сын, Михаил Алексеевич Можайский, посвящает свои труды и дни помощи монастырю, сохранению семейных святынь, работе с архивными материалами, находясь в постоянной переписке с представителями православных семей во Франции и во многих уголках мира. Все дети, внуки и правнуки Ольги Михайловны крещены в Православной Вере и сохранили русский язык.

В XX веке благодаря сохранению традиций православной культуры внутри личной и семейной жизни стало возможным преодоление разрыва, совершенного революцией и гражданской войной. Роль женщин – хранительниц выражается в возвращении к христианству личному, с его безусловной “детской” Верой и страхом согрешить. В таком личном христианстве изживался тот крайний индивидуализм, которым перед революцией была заражена особенно интеллигенция, в экспериментах эпохи модерна смешавшая Христа и Ницше.

Материалы семейного архива автор публикует с любезного разрешения Михаила Алексеевича Можайского и выражает глубокую благодарность за комментарии, беседы с автором данной статьи.

Мы надеемся, что поэзия, биография, творческий путь Ольги Михайловны Веригиной будут известны в России, будут опубликованы её Тетради (дневники), которые она вела всю жизнь.

На фотографии – Василий Васильевич Зеньковский с участниками съезда РСХД (из архива М.А.Можайского, публикуется впервые).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С., Давыдов Ю.Н., Турбин В.Н. и др. М.М.Бахтин как философ. – М.: Наука, 1992. – 256 с.
2. Бахтин М.М. К философии поступка// Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984-1985. – М., 1986
3. Бонетская Н.К. М.Бахтин и философия “Серебряного века” // Звезда, №7, 2020
4. Исупов К. Г. Судьбы классического наследия и философско-эстетическая культура серебряного века. – СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2010. – 592 с.
5. Фирсов С.В. Искатели Бога: к изучению истории русских “народных христиан” конца XIX - начала XX века// Русский Логос: горизонты осмысления. Материалы международной философской конференции, Санкт-Петербург, 25-28 сентября 2017 г. В 2-х т. Т.2/ СПб.: «Интерсоцис», Издательство РХГА, 2017. – 560с.

REFERENCES

1. Avertintsev S.S. Davydov Yu.N. Turbin V.N. idr. M.M.Bakhtin kak filosof. –M: Nauka. 1992.–256s
2. Bakhtin M.M. K filosofii postupka// Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki. Ezhegodnik. 1984-1985.–M. 1986
3. Bonetskaya N.K. M.Bakhtin i filosofiya “Serebryanogo veka” // Zvezda. №7. 2020
4. Isupov K. G. Sudby klassicheskogo naslediya i filosofsko-esteticheskaya kultura serebryanogo veka. – SPb: Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya. 2010.–592s.
5. Firsov S.V. Iskately Boga: k izucheniyu istorii russkikh “narodnykh khristian” kontsa XIX - nachala XX veka// Russkiy Logos: gorizonty osmysleniya. Materialy mezhdunarodnoy filosofskoy konferentsii. Sankt-Peterburg. 25-28 sentyabrya. 2017 g. V 2-kh t. T2/ Spb: «Intersotsis». Izdatelstvo RKHG.A. 2017.–560s.